

В статье в широкой перспективе обсуждаются отношения авторитарной власти и разные аспекты симбиотических взаимоотношений, включая социально-психологическую точку зрения. Исторические перспективы и современные примеры проанализированы в терминах ТА. Поднят вопрос о социальной среде, которая допускает авторитарное развитие. Очерчены типы (мастер, последователь, зритель) и роли (раб, источник зла, борец сопротивления).

Власть крайне неуловима. Но знание это чудовищно сжатый заряд, который ждет своего часа.

Якоб

Броновский

Несколько лет тому назад болезненная морально-этическая дискуссия о членстве в ИТАА наделала много шума. Случай с этикой Шифф-Катексис показал, что авторитарная система могла развиваться под самым носом автора и других членов этой организации. С квинтэссенцией анализа сути предмета посредством метафоры выступила Фанита Инглиш в ее речи при вручении Мемориальной научной премии Эрика Берна (Инглиш, 1979). Это отношения между лидером и последователем, или, используя термины Руссо, между хозяином (мастером) и рабом. В тот день она преподала мне урок о силе рационального интеллекта, особенно в виде критики или чего-нибудь еще хуже. Взяв высказывание Броновского, я вспомнил тот момент так же ясно, как я помню рождение моего ребенка или день моей свадьбы. Это было, как он сказал, не качеством памяти, а качеством опыта (1973, стр. 344).

Тогда Инглиш задала вопрос, который является темой этой статьи. Почему люди присоединяются к политическим, религиозным, профессиональным или социальным движениям какого бы то ни было размера и капитулируют перед ними настолько, что отдают все, включая свои жизни, свои судьбы, свои семьи? Что заставляет людей искать и любить чудесного родителя, который имеет ответы на все вопросы, и его именем даже совершать убийства и самоубийства.

Возможно, сейчас будет уместно рассуждение об истории. История - это нечто большее, чем простое перечисление фактов, дат и событий в хронологическом порядке. Большинство людей усвоило, что это слово должно писаться с большой буквы (Франк, 1985, стр. XY), что История дает ответы, которые открывают причины и следствия, и из этого понимания можно сформировать объективные формы действий, которые будут

изменять мир точно предсказанным образом. В современном мире этот взгляд происходит от Гегеля, который, наблюдая Наполеона в Йене, полагал, что он понял значение и внутренний смысл исторических событий (Франк, 1985, стр. XY). Позднее, величайший ученик Гегеля Карл Маркс подхватил эту идею и сформулировал конкретный план, направленный на то, чтобы преобразовать мир в демократический и социалистический, план, в значительной степени утопичный по природе. Когда русские большевики захватили власть в 1918, мечты Истории с большой буквы окончились, поскольку ее идеи были преданы грубой реальностью. Короче говоря, индивидуальный опыт постоянно сопоставлялся с исторической абстракцией и вечное несоответствие между ними отрицало действенность идеологических мечтаний. Эта статья, однако, не предполагает изменить мир, но скорее прозвучать как предупреждение тем, кто утверждает, что знает как это сделать, тем, кто хотел бы последовать за ними и миллионам, которые являются свидетелями этого процесса.

Авторитарные движения

В нашем мире существуют всевозможные типы политических, религиозных и общественных движений, которые ставят своей главной целью навязывание своего взгляда на реальность, своей собственной версии истины. Целью является контроль над все возрастающим количеством последователей. Они поглощают большое количество людей, если их амбиции реализуются, в кампании новообращения, построенной так, чтобы сыграть на общих страхах масс. Они претендуют на то, что знают какие люди испуганы, чего они боятся и что с этим делать. Они уверены, что у них есть ключи к миру, спасению, безопасности и удовлетворению. Яркий пример этого типа структуры - Германия времен нацизма, однако, это не значит, что это единственный пример. Русский опыт правления большевиков, Иран под властью Хомейни или Кампучия под властью Пол Пота - другие примеры. Можно определить также ненациональные единства, например, религиозно-политические движения фундаменталистов, таких как шиитские экстремисты, Лига защиты евреев Мейера Кагана или Черные мусульмане Луиса Фаррахаана. Еще одним примером является религиозное правое крыло в США в лице Джерри Фолвелла и его Морального большинства (переименованного в Фонд свободы) и недавнего кандидата в президенты Пэта Робертсона, создателя христианской радиовещательной сети.

Некоторые лидеры движений, такие как Фаррахан, Гитлер и Хомейни определяют врага, который должен быть уничтожен, врага, являющегося источником всеобщего зла (Лестер, 1985, стр. 11). Другие, подобно Фалвелу и Робертсону видят зло в идеях и стиле жизни и первоначально стремятся к его преобразованию. В любом случае эти движения начинаются с морального императива и изменяются, когда они достигают власти и контроля. Добро - это ранняя поза. Позднее возникают другие силы, действующие как переключатель от добра к деструктивным явлениям. Борьба за власть это единственная цель, но способы ее достижения и последовательность использования довольно различны. Первоначально проблемы, связанные с обоими

вышеупомянутыми вопросами, чрезмерно упрощаются, таким образом предлагая последователям быстрый ответ на экзистенциальную дилемму, созданную такими вопросами, как, откуда я пришел, почему я здесь и куда я иду. Людям предлагаются небеса, где они могут получить ответы, которые рассеют страх, созданный сомнениями и неопределенностью. Повсюду в истории мужчины и женщины пытались и часто преуспевали в манипулировании страхами других, реальными или воображаемыми, для того чтобы достигнуть власти и контроля. Это становится, однако, особенно опасным в 20 веке с появлением сложной технологии коммуникации, увеличением знаний и опыта психосоциальных наук относительно методов общественного управления.

В периоды психологического и социального стресса многие люди становятся несчастными в настоящем и боятся будущего. Экономические потрясения, войны, социальный, религиозный или политический гнет обостряют персональные экзистенциальные страхи, создавая таким образом атмосферу, в которой относительно легко могут появиться лидеры, претендующие на вдохновенное видение будущего. В такое время легко очаровать миллионы.

Например, в США мы являемся свидетелями подъема реакционных христианских правых, в то же самое время мы испытывает интеллектуальную претенциозность и догматичность, происходящую от окопавшихся и атрофированных левых. Эти тенденции разоружают мышление и расшатывают моральные устои в угоду воображению и доктринам, рассчитанным на то, чтобы создать впечатление, скорее чем проявить сущность, взять в плен людские сердца, скорее чем их головы. Если такие доктрины не проверяются, они могут стать серьезным препятствием к свободному мышлению, свободному исследованию и свободному выражению. Поляризация и чрезмерно ярый фундаментализм, произошедший от религиозных, общественных или политических движений, правых или левых, радикальных или реакционных, психоаналитических или гуманистических, христианских, исламских или иудейских, захватывают нас с особой силой. Возможно, еще не время для тревоги, но, определенно, мы должны научиться распознавать лидеров с авторитарными тенденциями до тех пор, пока они не достигнут власти, до тех пор пока это не будет слишком поздно.

Сегодня мы поставлены перед лицом серьезного вызова продолжению того, что Якоб Бронковский назвал "восхождением человека": "Знание - это не отрывной блокнот фактов. В первую очередь, это ответственность за целостность того, кем мы являемся, за то, что мы представляем собой этические создания. Вы не можете поддерживать эту информированную целостность, если Вы позволяете другим людям крутить мир за Вас в то время, как Вы сами продолжаете жить в оборванной сумке

морали, которая досталась нам от прошлых верований. Это действительно критически сейчас" (1979, стр. 436).

Жгучий вопрос нашего времени остается загадкой, а именно, каковы "внутренние взаимоотношения между негуманными структурами и современными образцами высшей цивилизации?" (Стайнер, 1971, стр. 29). Каковы наши взаимоотношения как высоко цивилизованных людей с авторитарными структурами, которые, как мы видим, прорастают как грибы через асфальт? И что есть притягательного в том, чтобы руководить или быть ведомым этими структурами, или в том, чтобы стоять и смотреть, как они формируются, не делая ничего?

"Искусство, интеллектуальные занятия, развитие естественных наук, многие отрасли знания расцвели в тесной пространственной и временной близости с резней и лагерями смерти. Структура и значение этой близости требуют рассмотрения. Почему гуманистические традиции и модели поведения оказались столь хрупким барьером против политического скотства" (Стайнер, 1971, стр. 30).

Сравнение экстремальных проявлений этого процесса в истории с современными примерами может пролить свет на подобные тенденции и, таким образом, предотвратить дальнейшие катастрофы. Однако, следует предостеречь против приклеивания ярлыков нацистов, фашистов или коммунистов, эти термины зачастую были затасканы и применялись некорректно. Вопросы, которые нам надо рассмотреть, следующие: как лидеры и последователи формируют "движение", которое известной степени притесняет других и каковы отношения между ними? Что делают при этом другие люди, зрители? Что происходит, когда появляются борцы сопротивления или когда люди поработаны?

Инглиш (1979) обратилась к взаимоотношениям между мастером и рабом (которого я назвал последователем) при описании типа психологического симбиоза, формируемого благодаря взаимно дополнительным защитным экзистенциальным позициям: "Это первое, что испытывает шестимесячный ребенок в момент индивидуации, при разрыве эйфорического соединения с матерью. Такое отчаяние забывается, но стремиться ... выйти на поверхность ... на определенных критических стадиях ... ,как правило, в возрасте 2-3 лет ...". Однако, "оно может проявиться и в другое время под влиянием стресса" (стр. 90). В период с 2 до 3 лет формируется основная экзистенциальная позиция и "отсюда разнообразная открытая и скрытая борьба за власть между ребенком и его основными воспитателями, вследствие чего ребенок занимает одну из двух экзистенциальных позиций [я О.к., ты не О.к. (+,-) или я не О.к., ты О.к. (-,+)]. Он

выбирает ту, которая кажется наиболее эффективной, чтобы выйти из отчаяния" (стр. 91-92).

Эти экзистенциальные позиции формируют основу для замещающих чувств и соответствующего им поведения, конструкции, известной в ТА как рэкет. Мастер (тип 2 в конструкции Инглиш) относится к миру, используя рэкет, определяемые экзистенциальной позицией (+,-). Последователь (тип 1, раб в конструкции Инглиш) относится к позиции (-,+). Исследование Инглиш сфокусировано на взаимоотношениях между личностью, которая руководит, и теми, кто присоединяется и следует за ним. Вместе они создают структуру движения, которое имеет своей главной целью переделать мир по своему собственному представлению, сначала посредством сосредоточения власти, если необходимо, использования силы в различной степени.

После исследований Инглиш сначала казалось, что все что нужно, чтобы избежать быть соблазненным каким-либо движением - это способность распознавать тенденции к симбиотическим взаимоотношениям "мастер - раб" на ранней стадии. Описать эти взаимоотношения было достаточно сложной задачей само по себе. Однако, еще одно достойно внимания: какова социальная среда, в которой таким отношениям позволено расцвести. Что можно сказать о тех людях, которые стоят вне основных взаимоотношений, таких как зрители? Их больше, чем людей, находящихся внутри авторитарной структуры, растущей в их среде. Как сказала Лилиан Хеллман (1939, действие 3): "Есть люди, которые поедают землю и всех людей на ней, подобно библейской саранче, и другие люди, которые стоят вокруг и смотрят, как они поедают ее".

Инглиш описала Мастеров и их рабов, как типы людей, включенных в серию игр третьей степени, в которых никто не способен иметь дело с эмоциями, лежащими под ними и, следовательно, им недостает твердого чувства себя. Изменение в обозначениях Инглиш состоит в переходе от описания мастер/раб к описанию мастер/последователь, поскольку делать различие между последователями и рабами крайне необходимо (в самом деле, мастер и последователь объединяются, чтобы поработать других). Кроме того, здесь появляется новый тип людей, зритель и три роли: источник зла, раб и борец сопротивления. Смысл этого разделения в том, что типы выбирают свои позиции, в то время как роли вовлекают людей в драму, как невольных игроков или в силу необходимости. Типы также применяются для различения степени, количества психосоциальной патологии, что не распространяется ни на источник зла, ни на рабов, ни на борцов сопротивления.

Типы

Мастера готовят пищу, едят что хотят и являются обычно талантливыми лидерами, абсолютистами по натуре, которые претендуют на видение истины, является ли она религиозной, политической или социальной. Определение зла является необходимой частью их идеологии, по тому как это делается различают два подтипа: преобразующий мастер и порабощающий мастер. Преобразующие мастера считают, что зло приходит из сверхприродных сил и утверждает себя в том, во что люди верят и делают. Порабощающие мастера видят зло как качество присущее людям без надежды на изменение. Мастера, как правило, формируют маленькие кристаллы толпы (Канетти, 1984, стр.73), обсуждаемые в деталях ниже. Мастера могут быть характеризованы как типично садистские, используя описание садизма Фромма (1976) как "нацеленность на неограниченную власть над другой личностью, более или менее смешанную с деструктивностью" (стр.221).

Последователи хотят быть съеденными и нуждаются в мастерах, чтобы почувствовать защищенность и безопасность. Определение зла мастерами и разрешение разрушать его позволяет последователям дать выход агрессивным и деструктивным импульсам, таящимся в каждом человеческом существе. Последователи обычно вербуются из недовольных. Некоторые из них любят мастера, так что готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы защитить и обожествить его. Другие прагматичны и следуют за мастером не из любви или веры, а из страха нужды, исключения или смерти. И те и другие склонны к формированию толпы и являются в соответствии с Фроммом типично мазохистскими по характеру, нацеленными "на растворение себя в подавляюще сильной власти, чтобы разделить ее силу и славу (1976, стр.221).

Зрители смотрят, как другие едят и сначала находятся вне отношений мастер/последователь. Они обычно пребывают в той же системе, является ли она национальной, религиозной или социальной. Однако, только некоторые зрители позволяют себе осознавать развитие отношений системы мастер/последователь и еще меньшее количество признают конечный смысл того, что они свидетельствуют. Часто зрители преобразуются и становятся последователями, другие притворяются преобразовавшимися, чтобы избежать преследований.

Роли

Источник зла. Людей, так определенных мастером, воспринимают как яд, для которого может существовать, а может и не существовать противоядие. Эта функция может быть как первичной, так и вторичной, делается различие между людьми, которые сами являются дьяволами, и людьми, которые находятся под влиянием дьявола. Группа людей, которую воспринимают как проявление первичного зла, дегуманизируют, превращают в насекомых или зверей и намечают к уничтожению.

Примеры: евреи и цыгане во время второй мировой войны, армяне во время первой мировой войны, американские индейцы и африканские негры с 1850 до 1914. Если политические, религиозные и социальные верования определены как зло, тогда люди, которые верят в них, рассматриваются как вторичное зло и могут спастись посредством обращения. Например, коммунисты в Германии могли спастись, вступив в нацистскую партию, или светские гуманисты могли быть приняты в ведущую американскую евангелическую консервативную паству, если они отреклись от таких вещей, как легальные аборты по требованию и теория эволюции. Следует, однако, отметить, что статус вторичного зла - это переходной этап, который трансформируется в конечном счете в статус первичного зла.

Рабы это отбросы и рассматриваются как низшая порода или недочеловеки. Они используются мастером для выполнения приказаний помимо своей воли. Они являются пищей, используются для принудительного труда, ловятся, собираются и превращаются в автоматы посредством физической и психологической жестокости. Рабы часто оказываются не в состоянии предсказать конечный результат, пока не становится слишком поздно - уничтожение в виде скотского существования наподобие человеческого механизма. Различие между рабами и источниками зла может быть проиллюстрировано на примере нацистов: евреи и цыгане были намечены на истребление; поляки, русские и другие - для рабского труда.

Борцы сопротивления решают взорвать ресторан. Они борются, чтобы сместить мастера от власти, и, если не в состоянии сделать это, уничтожают его, если это возможно. Иногда они видят мастера как источник зла и, следовательно, считают его ядовитым. Часто мастера принимают роль борцов сопротивления, которые после того, как они достигнут власти, становятся сами мастерами. Однако, настоящие борцы сопротивления действуют, чтобы установить справедливость.

Кристалл толпы

Кристалл толпы (Канетти, 1984, стр.73) формируется личностью мастера и, иногда, последователя. Кристалл состоит иногда не более чем из сотни людей в национальной системе и часто значительно меньшего количества в социальной и религиозной, он может состоять всего из трех или четырех человек. Наиболее талантливые и гениальные личности выходят из кристалла как мастера. Это маленькое единство формирует основную структуру толпы, пишет сценарий и имеет похожие свойства с настоящими кристаллами. "Окружение определенного атома имеет определенное устройство и, если Вы смотрите на такой же тип атома на другом месте, далеко от этого, Вы найдете такой, окружение которого точно такое же, модель повторяется снова и снова" (Фейнман, 1961, стр.30-31). В кристалле каждый становится настолько, насколько это возможно, повторением избранной личности. Эти лейтенанты также

любят мастера, поскольку он позволяет им греться в отраженной славе. В результате освобождения энергии они в свою очередь увеличивают власть мастера, создавая таким образом взаимное притяжение, столь необходимое для формирования этого особого вида симбиоза. Они появляются до того, как массы последовательно сосредотачивают все больше последователей, которые симбиотически притягиваются лично к ним и одновременно к мастеру. Их обучают единству и вере.

Хотя сам кристалл остается маленьким с четкими границами и редко изменяется, он создает жесткую внешнюю иерархию, повторяющую положение, психологию и идеологическую позицию мастера. Например, почти каждый в личной армии Гитлера, СС был повторением и продолжением Фюрера. Мини-фюреры существовали в тщательно организованной иерархии сверху донизу. Главой СС был рейхсфюрер Гиммлер. Ниже были эквиваленты четырехзвездных генералов оберстгруппенфюреры, еще ниже были полковники или штандартенфюреры, капитаны или гауптштурм фюреры, сержанты или обершарфюреры и так далее. Даже управляющий офицер в концентрационном лагере назывался лагерфюрер. Напротив, в ругулярной германской армии, Вермахте, не было таких обозначений; четырехзвездный генерал был традиционно генерал - оберст, капитан - гауптман, сержант - фельдфебель.

Кристаллы толпы должны поддерживать постоянство, чтобы породить толпу важно, что они проецируют образ, который может быть воспринят с первого взгляда. Образы Гитлера с Геренгом, Геббельсом, Гиммлером и Гессом, дающих клятву крови в лесу, или знакомый вид советского премьера и членов политбюро на первомайском празднике у кремлевской стены приходят на память. Названные примеры включают Фаррахана на сцене, окруженного телохранителями и лейтенантами, или Фолвелла, проповедующего у баптистской церкви на Томас Роуд с его мастеровыми, выстроенными за ним, ждущими, чтобы "свидетельствовать". Основные моменты американской поп-психологии также дают примеры. Стоит только взглянуть на EST и репродукции раннего Эрхардта, созданные, чтобы явить его слово миру. Единство кристалла более важно, чем размер.

Симбиоз

Метафора Перлза для всех "болезней роста" - это "синий ребенок". Такой ребенок не может соответствующим образом окислить собственную кровь и ему необходима временная дополнительная поддержка извне. Подобно этому, в симбиозе мастер/последователь индивидуация невозможна, даже если она подразумевается, поскольку помощь в этом представляет угрозу постоянной зависимости. Трагедия кажется неизбежной.

Мастер чрезмерно упрощает сложность экзистенциальных вопросов без эпистемологического рассмотрения. То есть, происхождение знаний остается неясным. Как мастер знает то, что он знает, не рассматривается, представлены наблюдения и выводы о жизни, как более или менее свершившийся факт со взглядами и манерой держаться абсолютно уверенной личности. Мастер, по определению Инглиш "чрезмерно уверен" (1979, стр.90), его точка зрения на реальность точна и не терпит опровержений. Личности этого типа "относят все к видению из одного центра, одной системе, более или менее ясной в терминах, в которых они понимают, думают или чувствуют - единый всеобщий организующий принцип в терминах, в которых только то, чем они являются и что говорят имеет значение" (Берлин, 1984, стр. 22).

Поскольку страх формирует основу взаимоотношений мастера с последователями и страх также нейтрализует многих зрителей, мастер являет себя миру, как имеющий ответ, путь решения на все людские страхи. Этот процесс показан в речи полковника Дорфа из фильма "Человек в стеклянной будке" (фильм, Anhalt, 1974): "Разреши мне сказать тебе о нашем фюрере... Он тот, кто ответил нашим немецким нуждам, он тот, кто спас нас от наших самых ужасных страхов, он тот, кто заставил нас поверить в себя... К кому он взывал? К людям... Почему? Почему мы должны любить его? Потому что мы были напуганы и мы знали, что он был напуган. Мы не знали, что он боялся, но он боялся и он говорил нам и потому, что мы любили его, мы верили ему. Евреи! Это было удивительно узнать, наконец, что нас пугало; чтобы это все ушло так легко. И затем, чтобы покончить с его страхом и нашим страхом, мы должны уничтожить их. Это была наша потребность, которую он удовлетворил. И поэтому он стал нашим добрым и мудрым отцом. И поэтому мы любим его... Пока он жил, Германия жила и люди требовали этого. Мы никогда не отрекались от него... Это удивительный отец, который сказал нам, чего мы боялись и сказал нам, как избежать наших страхов навсегда, всегда и везде, в любом месте. Это тот, кого мы будем любить. Это тот, для кого мы будем убивать и в убийстве мы будем жить и будем свободны от страха!"

Сначала мастер кажется заботящимся, питающим и одобряющим родителем для его последователей, волшебным помощником с ответами на все проблемы, источником безопасности и защиты. В течение ранней и средней стадии взаимоотношений последователи в самом деле чувствуют безопасность и даже самодостаточность. Однако, это иллюзия, основанная на ложных предположениях. Конечный результат - это не самодостаточность, а взаимоотношения, в которых ничего не делается, чтобы поощрить независимость "детей", которые вместо этого держатся в состоянии нужды.

Если использовать описание Инглиш, взаимоотношения "подобны питанию девитаминизированной пищей. Она только еще больше обостряет голод, подобно наркотической зависимости, она ложно кажется энергетизирующей, в то время как

вызывает голод (1979, стр.92).

Мастер вызывает зависимость в последователях, обостряя фрустрацию, подчеркивая страхи и опасности, обобщая их, чтобы включить широкие слои населения и затем, приглашая последователей погрузиться в славную и могущественную власть, большую, чем они сами. Нельзя найти более краткий пример, чем Гитлер, который писал: "То, чего они хотят, это победа более сильного и уничтожение или безусловная капитуляция более слабого" (1940, стр.469). Он также сказал: "Как женщина... скорее подчинится сильному мужчине, чем будет доминировать над слабым, так и массы скорее полюбят правителя, чем просителя и в душе они значительно больше удовлетворены доктриной, которая не терпит соперничества, чем привелегией либеральной свободы, они часто чувствуют себя в замешательстве, что делать с ней, и даже чувствуют себя брошенными. Они не поймут ни наглости, с которой они духовно терроризированы, ни чудовищного сокращения их человеческих свобод, ибо никоим образом не поймут иллюзии этой доктрины (1940, стр.56).

Без последователей нет власти, а без власти нет изменений и, следовательно, нет надежды, чувства всегда направленного к утопическому будущему земли или в вечность. Как дети напуганы, так же напуганы и взрослые и они, следовательно, податливы и ими легко манипулировать для выполнения замыслов. Обычно мастера, являются ли они реакционными или радикальными, чернят настоящее и ругают умеренных и консервативных, которые могли бы защитить это настоящее, или либералов, которые могли бы досконально изменить его. Они пытаются либо изменить этих аутсайдеров либо, если это не удастся, определить их как источник проблемы.

Типы мастеров и определение зла

Основной фактор в возрастании человеческих страхов - это определение врага, как человека, так и идеологию, хотя и не все равно, как это будет делаться. Должен быть найден такой источник зла, который помогает создать и поддерживать особое чувство, так необходимое для формирования закрытой толпы последователей. "Закрытая толпа отвергает рост и делает стресс постоянным. Первое, что нужно отметить это то, что она имеет границы... Границы предотвращают беспорядочное увеличение, но они также затрудняют рассеивание толпы и таким образом задерживают ее растворение (Канет-ти, 1984, стр. 17).

Порабощающий мастер определяет некоторую группу людей, как источник первичного зла. Это приводит к быстрому формированию "травящей толпы", которая "формируется со ссылкой на быстродостижимую цель. Эта цель известна и ясно

обозначена и она также близка. Эта толпа для убийства, она знает, кого хочет убить. Одна важная причина для быстрого роста... состоит в том, что это снижает риск... поскольку толпа имеет огромное превосходство на своей стороне... Убийство, разделенное со многими другими, которое не только безопасно и разрешено, но более того, рекомендовано не находит сопротивления у большинства людей" (Канетти, 1984, стр. 49).

Министр Черных мусульман Луис Фаррахан в октябре 1985 на слете в Медисон Сквер Гарден показал особенно наглядный пример того, как идеологически порабощающий мастер определяет источник зла. Он представил себя, как голос святой истины, который евреи хотят заставить замолчать. "Кто-то должен отделить бога от дьявола, хозяина и раба, угнетателя и угнетенного, тогда они смогут посмотреть друг на друга и затем вступить в войну, чтобы выяснить, кто будет править... Кто те, кто поддерживают меня? Праведные! Вам не хватало справедливости и если бог пошлет освободителя, Будет ли угнетатель любить его?" Он спросил слушателей. "Нет!" - заревела толпа. "Разве евреи, которые злы на меня - справедливые люди?" - "Нет!" - "Иисус противостоял евреям. Фаррахан противостоит евреям. Иисуса ненавидели евреи. Фаррахана ненавидят евреи. Иисуса бичевали евреи в своем храме. Фаррахана бичуют евреи в своих синагогах. Заботился ли Иисус об угнетенных?" - "Да!" (И далее он кричал) - "Кто были враги Иисуса?" - "Евреи, евреи, евреи" - ревели толпа (Лестер, 1985, стр.12).

Для Кагана в Израиле зло - это арабы, для Хомейни - западная цивилизация, для Гитлера и Луиса Фаррахана - евреи. Определение группы или объекта зла необходимо для порабощающего мастера, поскольку это цементирует его взаимоотношения с последователями. Вначале это даже помогает нейтрализовать зрителей, создавая веру, что они в опасности. Это четко описано в высказывании, принадлежащем Мартину Нимоллеру, германскому теологу, который провел много времени в концентрационных лагерях: "В Германии они пришли сначала за коммунистами и я молчал, поскольку я не был коммунистом. Затем они пришли за евреями и я молчал, поскольку я не был евреем. Затем они пришли за деятелями профсоюзов и я молчал, поскольку я не был деятелем профсоюзов. Затем они пришли за католиками и я молчал, поскольку я был протестантом. Затем они пришли за мной и в это время не осталось никого, чтобы высказаться открыто" (Барлетт, 1980, стр. 824).

Идеологически преобразующие мастера также нуждаются в источнике зла, но в другом смысле. Они не обязательно фокусируются на определенной группе, но на идее или концепции, такой как политическая философия или историческая традиция. Для Фолвелла, Робертсона, Сваггера и других министров христианского правого крыла это светский гуманизм (Лестер, 1985, стр. 11). Для коммунистов - это буржуазный

капитализм и фашизм. Преобразующий мастер выступает против тех, кто не согласен с его точкой зрения на мир, и пытается привлечь их в закрытую группу последователей. Фолвелл и Ленин в этом смысле значительно отличаются от Фаррахана и Гитлера. Последние никогда ни принимали в свою среду, ни прощали источник зла, поскольку они видели его как что-то присущее этим людям, фундаментальное, примитивное и неизменное и, следовательно, требующее уничтожения. Первые искали больше абстрактное зло, которое может быть изменено. Если кто-то отрекается от злых действий и верований, он может быть принят в паству. Зло скорее временно, чем постоянно, преобразуемо, скорее чем неизменно, вторично, скорее, чем первично.

В любом случае достигается союз между мастером и последователями. Для того, чтобы посмотреть на этот союз поближе, необходим дополнительный критерий для выделения диктатуры идеологических мастеров среди других авторитарных систем. Можно постулировать принцип необходимости козла отпущения, чтобы различить такие формы, как системы Сомосы и Ортеги в Никарагуа, царя Николая и Ленина или Батисты и Кастро. Диктаторы типа Сомосы, царя и Батисты - это деспоты, представляющие интересы малого привелигированного меньшинства. Они не обладают видением лучшего мира. Они не верят в Историю с большой буквы. Напротив, такие, как Ортега, Ленин, Кастро, Гитлер, преподобный Джеймс Джонс и Хомейни, создают или придерживаются четко определенной идеологии, завершенной и современной как марксизм-ленинизм или незавершенной как у Гитлера или Фаррахана. Эти идеологии утопичны по природе, обещают небесное или земное решение и, среди прочего, исключение источника зла. Быстрое и легкое выявление этого зла отчасти идеологически оправданно, так же как и предложение решения, которое вызывает любовь между мастером и последователем, так необходимую обоим, чтобы создать и поддерживать симбиоз. В отличие от идеологического мастера, деспотическим правителям на нужна любовь их последователей, только страх, верность и подчинение. Эти отличия необходимы для различения деспотических диктаторов и идеологических мастеров независимо от того, являются ли последние поработавшими или преобразующими.

Хотя как деспоты, так и идеологи используют авторитарную диктатуру, как основу их власти, идеологические мастера определяют себя обычно, как имеющих особую миссию. Например, Гитлер представлял себя как гения, посланного немецким людям и Фаррахан верит, что он единственный, кто может спасти черную Америку, в самом деле, его ритуалы и риторические намеки даже используют статус святого. Подобно этому, фундаменталисты христианства или ислама и революционный коммунизм видятся мастерами и последователями как единственный правильный путь. Эрик Хоффер назвал этот процесс обожествлением (1951, стр 138) и оно может быть как светским, так и религиозным.

Особо наглядный пример содержится в той же самой речи Фаррахана: "Они называли его дьяволом. Они называют меня дьяволом. Когда Иисус воскресил Лазаря из мертвых и накормил 5000 (чудо с хлебами и рыбой), это привело к тому, что власти начали атаковать его. Я воскрешаю умы черных людей от смерти и они атакуют Фаррахана (Лестер, 1985, стр.12).

Экзистенциальные позиции, дополнительные роли и формирование толпы

Теперь мы можем вернуться, чтобы посмотреть поближе на союз между мастером и последователями. Мастер должен поддерживать статус могущественного божества, которое может неограниченно повысить качество жизни последователей или, по крайней мере, иметь видение, чтобы создать то, что они воспримут как утопию. Как было установлено ранее, никто реально не вырастет в этом союзе. Каждый из них говорит, "Я О.к., ты О.к.", но есть скрытое условие, состоящее в том, что последователи видят мастера, как более О.к., и что последователи подчиняются каждой команде мастера. Никто в действительности не меняет исходную жизненную позицию. Скорее, они подавляют и переделывают ее, символически вначале и открыто позднее. Это происходит при вытеснении элементов не О.к. и проецировании их на источник зла (Рис.1). Мнимо новая позиция теперь выглядит как "я О.к., ты О.к., они не О.к.". До этого толпа не существует как таковая, но теперь она достигает иллюзии истинного равенства посредством "освобождения толпы" и "истинного преобразования", как описано Канетти (1984, стр.17). Он также сказал: "Единственный путь для равенства в группе, чтобы продолжать, таким образом обеспечивая ее жизнь, лежит через истинное "преобразование", когда люди сдают свои старые ассоциации и формируют новые. Эти толпы обычно ограничены по количеству и жестко управляемы произвольным набором правил (1984, стр.18).

источник зла

они не О.к.

-
/
/
мастер + (-) (-) + последователь
я О.к., ты не О.к. вытеснение / я не О.к., ты О.к.
/

/
+ +

мы О.к.

я О.к., ты О.к.

симбиоз

Рис 1. Проективная система мастер - последователь.

Дальнейшие усилия направлены на то, чтобы насильственно подавить чувства "не О.к.", в то же время создавая иллюзию избавления от них. Это есть тот момент, когда толпа формируется, когда я и ты превращаются в мы. "Это ради этого блаженного момента, когда никто не выше и не лучше другого, люди становятся толпой" (Канет-ти, 1984, стр.18). Этот момент требует вытеснения нежелательных чувств, находится значимый объект, который олицетворяет внутреннее скрытое чувство себя, предпочтительно, если это один из исторических предшественников. Чем больше толпа преследует козла отпущения, используя его как отражение собственных чувств слабости, тем сильнее она чувствует себя. В этом отношении особенно иллюстративны замечания Фарраха на съезде в саду: "Я также ваш последний шанс, евреи" (слушатели смеялись громко и долго). "Священные писания обвинили ваших людей в убийстве пророков бога". (Фаррахан утверждал, что бог не заставлял евреев платить за такие дела. Однако, если что-то случится с ним, тогда бог заставит евреев заплатить за всех пророков, убитых с библейских времен до наших дней). "Вы не можете сказать "никогда опять" богу, потому что тогда бог положит вас в печь "никогда опять, не так ли. Если вы дурачите меня, вы назовете саму смерть. Я не буду убегать от вас, я буду бежать за вами" (Лестер, 1985, стр.12).

Другой важный аспект идеи Инглиш о дополнительности мастер/последователь состоит в том, что мастер заботливый/начальствующий соответствует беспомощности/бунту последователя (1979, стр. 92). Сначала мастер представляет образ желаемого добра для людей и знаний как сделать их жизнь лучше. Сначала мастер делает добро в надежде спасти людей от того, что стало рэкетом

беспомощности масс, таким образом добиваясь их открытой верности. Берлинский журналист Себастьян Хаффнер описал этот феномен в гитлеровской Германии: "В течение первых шести лет его двенадцатилетнего господства Гитлер изумил друзей и врагов рядом достижений, на которые вряд ли кто-нибудь подумал бы, что он способен... Именно эти достижения на время смутили и прямо-таки разоружили его оппонентов (которые были в 1933 еще большинством немцев) и создали ему определенный престиж среди части старшего поколения (1979, стр. 25).

К 1938 (2 мировая война началась в сентябре 1939) большинство немцев было покорено его достижениями. Они были либо последователями, либо нейтрализованными зрителями. Он прошел на надеждах, о чем он хвастался в своей речи 28 апреля 1939: "Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, значительно поднял производительность во всех областях нашей национальной экономики... Я преуспел в трудоустройстве тех семи миллионов безработных, которые так трогали наши сердца... Я достиг всего этого... тот, кто 21 год назад был неизвестным рабочим и солдатом, достиг своими, собственными усилиями (Хаффнер, 1979, стр. 32-33).

Хаффнер далее размышляет: "Создал ли он что-то своими собственными усилиями? Конечно, он имел помощников и союзников, но кто мог бы серьезно утверждать, что все обернулось бы так же без него? Мог бы кто-нибудь отвергать Гитлера без того, чтобы отвергать то, чего он достиг, и, противопоставленные этим достижениям, не стали бы его неприятные черты и злодеяния только недостатками? (стр. 33).

Это описание избавления и его соблазнительных результатов придало ему особый статус личности, которая может притеснить каждого, но выберет нескольких в качестве детей. Как иначе мог бы Гитлер быть единственным, кто достиг таких чудес? Это предполагает присущую ему магическую силу, которая может заставить все плохое уйти и сделать все правильно. Чтобы это произошло, беспомощность последователей должна проявить дополнительные рэкеты пассивности. Создается фальшивое чувство успеха и лежащие в основе этого действия, такие как отказ от личных свобод, игнорируются. Только позднее будет понята цена. Центральное послание еще игнорируется в угоду более непосредственной безопасности.

В конечном счете мастер наполняется высокомерием и надменностью, питаемыми первоначальными успехами и основанными на враждебности и потребности управлять событиями. Можно вспомнить вспышки ярости Гитлера, его оскорбленное самолюбие и недовольную гримасу, бушевание и крик на своих подчиненных, которые так типичны для последних лет его режима. Это поведение является дополнительным к

сознательному или бессознательному бунту последователей, проявляемому скрыто или открыто в виде проваленных планов и даже попыток его убийства.

Добавочная дополнительность

Прежде чем идти дальше, важно подытожить уже обсужденные характеристики отношений мастер/последователь и упомянуть еще некоторые. Последователи неуверены при чрезмерной уверенности мастера и, следовательно, сначала проявляют подавленное сомнение на фоне тревожности; это контрастирует с чрезмерно уверенной позицией фальшивых надежд мастера.

Последователи ищут быстрые ответы и простые решения, таким путем дополняя образ волшебного спасителя мастера. Они с необходимостью занимают позицию адаптивного ребенка при контролирующем родителе мастера и жертвы на социальном уровне/бунтаря на психологическом, дополнительные к позициям спасителя/преследователя. Они также проявляют легковерие, контрастирующее с эксплуатирующим взглядом мастера, а также жаждущее приятие и доверие, восхищение, а затем обожание в дополнение к эксгибиционизму мастера.

Мастер проявляет чувство миссии, требуя абсолютного подчинения, насаждая идеологию, и последователь подчиняется с преданностью. Мастер посвящает и пасет до тех пор, пока последователь жаждет принадлежности и включения в большее целое, чтобы совершенно исключить переживание индивидуальной отдельности (Хоффер, 1951, стр. 62). Мастер требует самопожертвования и последователь будет выдерживать много трудностей, чтобы поддержать безопасный и надежный симбиоз (Инглиш, 1979, стр.93). Мастер создает драматические ритуалы и хитрые церемонии, чтобы таким образом вызвать готовность последователей пойти на смерть. Часто это осуществляется путем создания театра конфликтов, в котором последователи занимают особую роль на сцене, таким образом увеличивая свое отождествление с целым.

В этом процессе мастер поощряет красивый идеал, независимо от того, реален ли он или отрицает реальность настоящего и прошлые ценности ради надежд на будущее. Последователи также чрезмерно готовы принять любой идеал, который усиливает их презрение к настоящему и создает надежды на будущее. Искажая реальности настоящего момента в собственных целях, мастер создает разновидность исторического мифа и предлагает взгляд на реальность, который открывает истинную природу истории. Однако, в действительности это невыполнимое требование. Поскольку мы все взаимодействуем каждую минуту и влияем друг на друга

бесчисленным числом способов, Невозможно требовать, чтобы кто-то абсолютно знал реальность, много проще требовать власти, чтобы управлять ей (Чиромонте, 1985, стр.25): в терминах ТА, История является контролирующим родителем. Даже если есть прогресс и достигнуто временное улучшение, цель иллюзорна, потому что ее невозможно достигнуть внутри системы рэкета и игр третьей степени, основанной на симбиотической зависимости.

Под идеологическим диктатом последователи становятся жертвами структуры власти, превращаются в послушный инструмент мастера и используются сверху в качестве пищи. Все люди имеют тенденцию относиться к тем, кто выше из (-,+), и к тем, кто ниже из (+,-). Картина мира сужается до слепого следования порядку. Добро - это только то, что согласуется с поддержанной властями структурой. Успешное идеологическое насаждение автоматизирует общий аппарат власти сверху донизу и все, что противостоит ему должно быть уничтожено (Кепинский, 1972, стр. 246).

Зрители

Самая большая группа в системе - это зрители. Многие из них становятся последователями из практических соображений, не проявляя "истинной веры". Некоторые оппортунистически присоединяются к движению для личной выгоды, они часто находятся в жизненной позиции (+,-), хотя они и не определяются как мастера. Другие уступают давлению, находясь вне основного течения, и присоединяются к последователям из позиции (-,+). Они боятся и соблюдают иллюзией безопасности. Они присоединяются к движению и чувствуют любовь к нему.

Наибольшая группа зрителей пассивна и молчаливо дает свое разрешение, не говоря и не делая ничего. Это кажется им единственным, что нужно делать в это время. Они продолжают оставаться вовне, не становясь последователями из-за их террора, и реактивны. Они сдерживают свои действия, чтобы их не заметили. Любопытно, что когда деспотический правитель свегнут, многие люди сохраняют анонимность, таким образом способствуя становлению другого мастера. По этой причине многие деспотические диктаторы смещаются другими диктаторами, пусть даже с другой идеологией. Пассивные зрители позволяют рассматривать себя как часть толпы, например, "арийцы". Их жизненные позиции кажутся очень различными, но они относятся к мастеру, но они относятся к мастеру и его последователям из (+,-) или (-,+). Их вклад в толпу значителен, причем их участие пассивно и направляется страхом смерти. В действительности, они имеют больше силы, чем им кажется. Например, публичный протест в Германии в 1939 был столь силен, что Гитлеру пришлось закрыть программу "облагораживания", секретный проект, предполагающий отравление газом немцев, помеченных как "дефективные", таких как умственно отсталые, гомосексуалисты и неизлечимо больные.

Важный аспект поддержания пассивного состояния молчаливых зрителей - это выборочный террор, физический и психологический, как у Гитлера, Хомейни и Сталина или исключительно психологический (угрожая исключением и отчуждением), как у Фолвелла или Рабби Кагана. Это дает эффект нейтрализации большинства зрителей, которые начинают чувствовать себя, подобно Махмуду Азари в блестящей книге Ричарда Капушинского Шах: "Из-за этого я чувствую страх. Он может поразить меня в самый неожиданный момент. Я стыжусь, но ничего не могу сделать с этим. Он начал разрушать меня в глубине. Я думаю с ужасом, что из-за этого страха внутри я добровольно становлюсь частью системы, основанной на страхе. Ужасные, нерасторжимые отношения типа патологического симбиоза установились сами по себе между мной и диктатором" (1982, стр.94-95).

Борцы сопротивления

Борцы сопротивления отказываются принимать симбиоз. Часть из них находится в жизненной позиции (+,+), но вынуждены в силу обстоятельств временно занять позицию (+,-) и бороться, чтобы свергнуть мастера, из чувства справедливости и свободы. Другие борцы сопротивления могут быть в своей основной позиции (+,-) и искать мести и власти. Часто невозможно различить эти две группы, пока они не свергнут правителя, после чего становится ясно, кто ищет справедливости, а кто хочет мести и власти. Борцы сопротивления могут появляться из любого слоя, даже из кристалла толпы.

Рабы

Рабы нужны мастеру как рабочая сила и как символ власти (чем больше рабов, тем сильнее чувствует себя мастер). Когда люди обращены в рабство, они проявляют позицию (-,-). Они обычно оказываются жертвой событий вне их непосредственного контроля и не могут улучшить свое положение. Обычно рабы, если они раньше были свободны, переживают рабство, как кошмар. "Основные качества этого кошмара могут быть определены как фатальность, беспомощность, смертельная угроза и превращение в автоматы. Эти четыре качества также были преобладающими в концентрационных лагерях" (Кепинский, 1972, стр. 246)

Раб должен преодолеть дегуманизирующее влияние принудительного труда и сохранить подобие морального достоинства, тогда есть небольшая надежда на выживание. Стерковиц писал: "Легко быть благородным в благоприятных условиях, но гораздо труднее в условиях смертельной опасности"(Кепинский, 1972, стр. 251). Что становится важным - это пища и оставаться в живых или как заметил польский психиатр Кепинский, "еда и смерть" (1972, стр. 251). Он продолжал следующим образом:

"Если кто-то собирался выжить, ему было нужно, по крайней мере в некотором смысле, уйти от подавляющих законов выживания любой ценой. Те, кто совершенно поддались этому закону, потеряли свое человеческое достоинство и часто из-за этого все шансы выжить. Чтобы выжить в лагере, наиболее существенным человеческим качеством была способность внутренне противостоять всему, что происходило..., опираясь на помощь и дружбу других заключенных (Кепинский, 1972, стр. 251).

Именно повседневная борьба за выживание, наша первичная биологическая потребность, создает парадоксальную ситуацию, которая превращает рабов в автоматы, и именно это превращение в автоматы ответственно за их уничтожение. Жизнь сводится к первичным биологическим законам - "победить или быть побежденным" и это приводит к огрублению жизни рабов, превращая ее исключительно в борьбу за выживание. Любопытно, что преследуемый и преследователь втянуты в дьявольскую машину уничтожения: мастер и последователи или вторичные мастера из-за их идеологической грандиозности и рабы, поскольку они становятся сломленными процессом. И те и другие приспособляются к "победить или быть побежденным", как принципу своей жизни. Их позиция осложняется существующей биологической угрозой с одной стороны и вымышленной идеологической - с другой. Одна сторона не может быть людьми из-за автоматизации своей жизни, сводящей все к биологической борьбе за существование, а другая - из-за автоматизма проводимой в жизнь и принятой идеологии, делающей это невозможным (Кепинский, 1972, стр. 255-256). Многие рабы решают скорее отдать жизнь, чем приобрести такие качества, какие необходимы для выживания. В то же время другие способны поддержать внутреннюю силу, необходимую, чтобы успешно бороться.

Дополнительное различие между типами и ролями можно провести, комбинируя концепты ТА относительной О.к.-ности с возможностями выбора и, затем, соотнеся это с тем, кто видится как источник спасения, и кто, как источник несчастья. Мастера и последователи выбирают свои позиции активно и они воспринимаются как относительно О.к., причем мастер всегда более О.к., чем последователи. Зрители воспринимаются О.к., потому что они не представляют реальной или вымышленной угрозы. Рабы загнаны в позицию не О.к. последователями и мастером и должны рассматриваться как недочеловеки, они не выбирают эту позицию. Они находятся в наиболее тяжелой приписанной позиции. Источник зла рассматриваются как нелюди и, следовательно, они в наибольшей степени не О.к. Мастер видит себя как источник спасения и последователи с этим согласны. Как мастер, так и последователи видят рабов и источник зла причиной своих несчастий. Поскольку им нужен по крайней мере кто-нибудь ниже их, потенциальные рабы также часто определяют свои несчастья в источнике зла.

В завершение, любое грамотное объяснение этих сил должно опираться на примеры из прошлого, которые представляют, однако, отдельные замороженные моменты времени. Существующие методы и системы обычно осовременивали прошлые события, и то, что было увидено в них и сделано из этого, представляет собой, как сказал Исая Берлин "тонкие выдумки, поверхностные и безнадежные, которые я применяю, чтобы скрыть хаос в себе" (1984, стр. 80). Мы неспособны понять грандиозную всеобщность даже в одном событии. Трудности исторического анализа входят в противоречие с общепринятой точкой зрения, что мы управляем нашей судьбой, что мы можем изменить себя и что, проведя это преобразование, мы можем затем выйти и изменить мир.

Существует большое количество сил, которые изменяют судьбу наций, а также людей: дождь, помешавший Наполеону использовать мобильную артиллерию в Ватерлоо, наступление зимы, самое раннее за сто лет до этого, опередившее наступление гитлеровских войск под Москвой, природные бедствия, экономическая депрессия, спичка, беспечно брошенная в стог сена, изменение ветра, плач ребенка. Множество шансов изменяют движущие силы людей и наций. Так что, возможно, судьба, в этом смысле, приносит лучшее и худшее. Мог бы Гитлер без несправедливых притеснений всучить немцам Версальский договор? В одних и тех же обстоятельствах способны ли мы на одни и те же действия? Мог бы он придти к власти без великой депрессии 1929? Мог бы Хомейни подняться без шаха и его ужасной тайной полиции SAVAC? Мог бы Луис Фаррахан продолжать выступать в равной в расовом отношении Америке?

Мастера третьей степени, подобные этим, создаются временем, в котором они жили. В ужасных условиях ужасные мастера могут уличить момент, чтобы соблазнить доведенных до отчаяния и испуганных людей и предпринять ужасные действия. В более мягкие времена мастера мягче и потребность в определении людей, как источника зла, меньше. Мастера и их последователи обращаются вместо этого к более абстрактному злу и тем, кто просто не согласен с ними. В любом случае, велика потребность понять этих мужчин и женщин, их философию, веру, объясняющие теории и научную скудость. Тем не менее важно, думая о нациях или наших собственных организациях, понять, что единственное, что может быть хуже, чем не думать об этом - то не думать об этом достаточно.

□□□□ Алан Джакобс - психотерапевт, который живет и работает в Чикаго, Иллинойс, США. Он сертифицированный обучающий член ИТАА, специализирующийся на клинических применениях ТА, и является гастролирующим профессором в нескольких университетах. □ Присылайте запросы на репринт по □□ адресу: □□ A.Jacobs, □ 3724 □ North □ Sheffield, □ Chicago, □ 1 Illinois, U.S.A. 60613.

ИЗДАНИЕ С-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ТРАНСАКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА,
1994

Transactional Analysis Journal, Vol.17, No.3, July 1987

перевод В.Е.Гусаковского

Источник: [Санкт-Петербургское объединение транзактного анализа \(СОТА\)](#)